

О прелестях жизни
в семейной общаге

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Негода Улей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49285062

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-08017-1

Аннотация

Львиная доля наших современников продолжает проживать в «человейниках», самые адские из которых – семейные общаги. Да, да, те самые остовы постиндустриальной эпохи, пожив в которых, ты смело можешь утверждать: «О, ну я-то «плавал»! Я-то знаю, и в цирке больше не смеюсь»! Эта книга не столько проведёт вас за руку по всем лабиринтам человеческого «улья», сколько поможет заглянуть в души его обитателей. Кто они и чем живут? Почему всё сложилось именно так? Порой происходящее будет восприниматься за гранью разумного... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	39
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	45
Глава 15	47
Глава 16	48
Глава 17	51
Глава 18	53
Глава 19	57
Глава 20	60
Глава 21	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1

Карма нахлобучила, или адское утрышко-АЦкий день

Знакомиться на улице я никогда не любила. Считала это, по меньшей мере, неприличным, если не сказать опасным. Мало ли кто может пристать, тем более попытки были. В основном обращались с одним и тем же вопросом:

– Девушка, а девушка, не подскажите, сколько времени?

На что тут же, глядя очередному искусителю в глаза, я заявляла: «Семь еб*т восьмого». Естественно, что нормальный парень после такого ответа начинал нервно моргать, а придурок, коих было большинство, с кривой ухмылкой медленно, но верно отваливал.

Но в тот летний вечерок как-то всё не задалось. Всё пошло не по плану. И даже вселенские знаки, в обилии сыпавшиеся на мою головушку с раннего утра, с поразительным упрямством мною игнорировались. Потом, гораздо позже, лет через дцать, один маститый астролог, составлявший мою астрологическую карту (кажется, так она называлась), с придыханием сообщил:

– Маенька, тот день в вашей жизни был роковым. Хотя, нет – он был кармическим! И ваш брак, кстати сказать, тоже был кармическим. Вы бы его не обошли и не объехали, уж поверьте мне! Так и чего же теперь волосы на теле драть? Вы

в том совсем не виновны... Это всё карма. Понимаете? Это она всему виной!

Ну, даже не знаю.... Какая такая карма? Чушь, честное слово! Но вышло так, как вышло.

Утро началось ранним подъёмом. Маман, словно фурия, залетела в дом с криками: «Вставай, хватит спать, как королева! Женихи твои привет прислали»!

– Какой ещё привет? – ничего не понимая спросонья, пробормотала я.

На будильнике не было и шести. И чего только людям не спится?!

– Вставай, говорю! Иди, полюбуйся! Позорище какое!

Выйдя на крыльцо, ничего экстраординарного я не заметила. Обычный асфальтированный двор. Всё та же деревянная калитка, что и вчера, те же ворота, а прямо под ними – собачья будка, в которой сладенько спала моя любимая Джинка.

– И что не так? – недовольно поинтересовалась я у матери, выскочившей следом за мной на улицу.

– А ты дровяник открой. Открой, открой.

Повинуясь указанию, я скинула с двери крючок и толкнула дверь от себя. В ту же секунду, словно ошпаренная крутым кипятком, я отскочила от дровяника на добрых метра три. Внутри... стоял венок, овитый траурными лентами, такой, какими украшают кладбищенские ограды.

– Ну, как тебе подарочек? Хорош? Слава богу, что я вста-

ла с первыми петухами и повела твою собаку прогуляться. Сняла это дерьмо с калитки. Может, ещё никто не успел увидеть красоту разэтакую. Майка, кого ты в этот раз занозила? Кто тебе на сей раз «счастьяца» пожелал?

Мама не допускала даже тени сомнения в том, что этот зловещий «привет» адресовался именно мне, а не кому-то другому, да хотя бы ей самой. Ей в голову не приходила идея о том, что злопыхатель мог элементарно перепутать калитки, правда, в это я и сама верила с трудом. Кстати сказать, до сих пор мы не знаем, чьи гадкие руки это сотворили и кому из нас эта «прелесть» предназначалась.

Утро было безвозвратно испорчено. Я выслушала нудно-длинную лекцию об отношениях между девушкой и парнем, потом мама в очередной раз напомнила мне о том, какая я грубиянка, колючка и раздолбайка. Завершился её монолог, как обычно, на «мажорной» ноте:

– Майя, ты знаешь, что за выборки даёт чёрт выдерги?

– Знаю, мама! Пусть даёт что хочет! Я всё равно у чёрта ничего ни просить, ни брать не стану! – выпалила я, ретировавшись.

День, в общем-то, был не лучше. Нужно было ехать за какой-то ерундой в магазин, ибо там что-то выбросили в продажу. Пока я стояла в очереди, это «что-то» закончилось, но и этого мало – по дороге домой я посеяла все деньги, которые у меня были.

Ясное дело, без кошелька и без покупок возвращаться до-

мой категорически не рекомендовалось. Пришлось свои оглобли на полпути поворачивать назад и исследовать каждый миллиметр проторённой дороги. Кошелек, конечно же, я не нашла, зато на высоченном выкрашенном в тёмно-бордовый цвет банном заборе обнаружила очень ценное замечание, оставленное мелом, словно бы специально для меня: «Кто это читает, тот дурак»!

Естественно! Всё верно написано! Не поспоришь! Получив очередную порцию нравоучений и выслушав новую лекцию на тему: «Какая же ты, Майя, всё-таки ворона! Тебе совсем ничего нельзя доверять», я с нетерпением принялась ждать вечера. Нужно было во что бы то ни стало переломить ситуацию. Из «лимона сделать лимонад», как сказал бы Дейл Карнеги, книгу которого я совсем недавно закончила читать. Кстати, это была моя первая книга по психологии, которую я не просто быстро пробежала глазами, а проштудировала «по-взрослому»: с карандашом в руках.

Более того, те моменты, которые меня особо впечатлили, я даже выписала в отдельную тетрадь, которая потом куда-то делась.

И нет бы мне тогда включить голову и понять одну простую истину: коль утро и день пошли вкривь и вкось, то не рискуй вечером, просто посиди дома, пусть хотя бы он будет окрашен в нейтральные тона. О нет! Я никогда не искала лёгких путей! Зачем они мне? Ведь так совсем не интересно! Да и в «Знаки Вселенной» – в такую чепуху – я отродясь

не верила.

В итоге, этим же вечерком вместе со своей приятельницей Люсей мы отправились на дискотеку, заранее зная, что делать там совершенно нечего. Нафуфырились: чёлки дыбом, серьги до пупка, юбки мини, шпильки и колготки в сетку. Расступись, город, деревня прёт!

Глава 2

И «мокрый» вечер напоследок...

По дороге встретили Ленку Москвитину с её сожителем, который не так давно из ближайшего городка привёз по случаю мраморного дога огромных размеров с величественным именем Лорд.

А случай у Юраса вышел самый что ни на есть прозаичный – пришлось лечить сифилис, который он раздобыл неведомо где. Чтобы в ячейке общества под названием «семья» (пусть и не зарегистрированной официально) не вышло скандала, в хворобе незамедлительно была обвинена Ленка.

Пока любимый и верный без пяти минут супруг подлечивался, моя бывшая одноклассница активно тестировала народные средства, пытаясь определить, какое из них самое эффективное: бодяга, золотой ус или же свежие листья подорожника. Эмпирический способ ответа не давал – синяки под глазами довольно долго не проходили.

Впрочем, в момент нашей встречи, которой я была совсем даже не рада, от «праздничной» иллюминации у Ленки не осталось и следа. Юрасов сифачок, тем паче, канул в небытие, и только Лорд напоминал счастливой парочке о пикантном событии, некогда случившемся в их тесном семейном мирке.

Кстати сказать, дога Ленкиному сожителю презентовал

его сосед по палате, неизвестно от чего лечившийся и со дня на день собиравшийся отчалить на фатерланд. В ту пору многие жившие в Сибири немцы паковали чемоданы и отправлялись на родину пращуров, о которой по сути ничего не знали (интернета в те пещерные времена не было) и которой никогда не видели. Собаку немчик взять с собой не смог. Так Лорд обрёл нового хозяина, который впоследствии уморил его голодом.

Да, встреча с Ленкой и её болезненным хахалем (вести о пикантной болячке в нашем посёлке разлетались ой как быстро) меня не порадовала, однако, засвидетельствовать своё почтение всё же пришлось.

Поздоровались. Расшаркались.

– О-о-о-о, привет!

– Привет-привет! Как дела?

– Как дела? Да ещё не родила...

– Ещё не родила? А когда?

– Ну, дЫк, как только, так сразу...

Увы, но рассчитывать на интеллектуальную беседу не приходилось. Лена звёзд с неба никогда не хватала, в школе едва-едва перелазила с параша на трояк, ничем, кроме баскетбола, не интересовалась, к тому же имела прескверную привычку – повторять последнюю фразу собеседника. Пока повторяла, видимо, думала, чего бы такого ей сморозить в ответ. Но дело совсем не в этом. Уж очень свежи были мои воспоминания о том, как Москвитина и ещё одна наша одно-

кашка собрались было меня побить после очередного вечернего школьного мероприятия. Тогда меня спасло чудо. Чудо звали Вовкой. Собственно, он был не только чудом, но и тем самым поводом, за что меня чуть было не «отоварили».

Некоторое время Вовка играл вместе с Ленкой в одной баскетбольной команде, именно тогда она на него глазик-то свой и положила. Уж не знаю, насколько её претензии к нему были удовлетворены, но на поверку вышло так, что Вовка, очень быстро утратив к Ленусе всякий интерес, всё своё внимание перенёс на меня. Естественно, данное обстоятельство не осталось Москвитиной незамеченным. Вердикт был незамедлительно вынесен – намылить мне всё, до чего только можно дотянуться. А чтобы шансов выжить у меня не оставалось, Лена прихватила с собой Таню-коня, которая была в полтора раза больше Лены, не говоря уже обо мне.

Вроде бы дело было давно, пора всё забыть, но всякий раз, когда я встречала Ленусю или Танюшу, у меня решительно портилось настроение.

Наверное, в ту нашу встречу всё вышло бы точно так же, как и в прошлые разы: мило поулыбались друг другу, держа по камню за пазухой и разошлись, никогда не вспомнив, о чём приветственно щебетали друг другу, если бы не Лорд, внёсший в мой кармический день свою лепту.

Рокировка была простой: я и Ленка делали вид, что очень рады встрече, Юрас ковырялся в носу, а Люська, стоявшая немного в стороне, активно зависала в астрале.

Пёс, предоставленный сам себе, недолго думая, подошёл к Люсе сзади и, задрав лапу, помочился ей на ноги, очевидно, со стороны приняв их за столбы, что неудивительно: ноги у Люси брали своё начало где-то в районе лба.

От подобного поворота растерялись все, кроме Лорда. Опустошив мочевой пузырь, собачка издала вполне себе радостный звук. Первой пришла в себя Люся:

– Ну вот, обоссали, можно и на дискач идти, – с философским видом заметила она.

Обалдев от произошедшего, мы тут же бросились наперёбой предлагать выход из сложившейся ситуации. Ленка советовала помыть ноги под колонкой, благо до неё было рукой подать.

– Колготки-то в сеточку, всё равно не будет видно, что ноги мокрые, – доказывала она.

– Люся, давай вернёмся домой, и ты переоденешься, а потом пойдём на дискотеку, – предлагала я.

– Люся, ты, может, вообще их снимешь тогда? А? Иди уже без них. Не замёрзнешь, ведь лето на дворе, – продолжала Ленка.

И только Юрас не внёс ценных предложений, ибо был занят своим четвероногим другом, пытавшимся уворачиваться от сыпавшихся на него тумачков.

– Ничего я делать не буду. Так пойду, – резюмировала Люся, надув губки.

И пошла.

Глава 3

Дискотека восьмидесятых

Подобное положение вещей ауру в танцевальном зале ничуть не испортило. Не успели мы переступить порог ДК, как свалился пьяный Лёха. Любители подвигать тушками под мелодичные звуки Саманты Фокс и Томаса Андерса в тот вечер в буквальном смысле слова познали на себе, что значит словосочетание «пьяный в кал». Лёха, желавший непременно танцевать со всеми и сразу, но больше всего со мной, занял позицию в центре зала. Двигаясь активно, он даже не заметил, что народ, совсем недавно окружавший его со всех сторон, вдруг резко куда-то испарился. Причина была тривиальна: перед тем как выплеснуть адреналин на танцполе, Лёлик на минутку сбегал до ветру, где и «подорвался» на свеженькой «мине». Теперь же «взрывчатка», размазанная по деревянному полу, источала зловоние такой силы, что находиться в зале было совершенно невозможно. Собственно на этой минорной ноте мой кармический день мог бы и закончиться, и я бы никогда не познала всех тех ужасов, что уже обрели первые очертания, проступив на моём жизненном небосклоне. Однако карма не дремала.

Музыкальную «избушку» пришлось закрыть раньше времени, Лёха, аки пёс смердящий, был изгнан с позором, его даже не принял в своё лоно приехавший «банан» (милицей-

ская машина РАФ 977 жёлтого цвета). Н-да-а... если бы не Леха, всё, возможно, вышло бы иначе. Впрочем, о покойниках не принято говорить плохо, а хорошего я ничего сказать о нём не смею. Вспоминая его, я думаю, что не только меня преследовала карма, другой вопрос, что у всякого она своя. Данный персонаж очень долго пытался, как тогда говорили, «стать моим парнем», но все его потуги не принесли ровным счётом никакого результата. Я готова была воспринимать его исключительно как знакомого, но не более.

В году примерно двухтысячном Лёха сотворил страшное. Сотворил такое, от чего до сих пор встают дыбом волосы у всех, кто продолжает жить в том самом подъезде, где некогда жил он. В одну из пьянок в порыве дикой ревности, выхватив шашку (к тому времени наш герой успел стать казаком), он разрубил свою жену пополам прямо в подъезде. Кто-то из соседей, зайдя в темноту с солнечной улицы, сослепу не сразу увидел, на что это такое мягкое он наступил, а когда рассмотрел, пришлось вызывать сразу две машины – «скорую» и милицию. Оказавшись в «трюме», Лёха умудрился вскрыть себе чем-то вены и умер от кровопотери, не дожив до суда.

Впрочем, пора вернуться к исходной точке. Народ после столь неприятно закончившейся дискотеки разбрёлся кто куда. Мы не стали исключением, вконец расстроенные поплелись домой.

Было уже темно. Люсины стройные ноги, облачённые в се-

точку, давно просохли. Говорить было совершенно не о чем. Каждая из нас была погружена в свои мысли.

Вдруг где-то сзади прозвучало:

– Девчонки, не подскажите, сколько сейчас времени?

– А? Что вы сказали? – совсем позабыв о своём коронном ответе, выручавшем меня всегда и везде, рассеянно переспросила я.

– Времени, говорю, сколько? – повторил свой вопрос улыбающийся незнакомец.

– Без четверти одиннадцать.

– А вот и неправильно! Сейчас, если быть точным....

Собственно, с этой незамысловатой фразы и началось моё знакомство с моим будущим супругом Кокой. С этого самого мгновения началась моя Великая Одиссея и продолжился мой путь Бабая....

Глава 4

Путь Бабая, или боль моя, ты покинь меня!

В жизни всякого среднестатистического человека есть своя бесконечная хроническая никогда не ослабевающая боль... Боль всей его жизни!

Судите сами: кто-то не живёт, а прямо-таки мучится, видя в зеркале собственные кривые зубы или ноги, а быть может, уши вразлёт, увенчанные тремя волосинками. Кто-то рыдает над грудью первого (девятого) размера. Про горбы, хромоту и прочие «прелести» вообще говорить не приходится...

Кто-то всю свою жизненную энергию направляет на борьбу с лишним весом, а тот, словно бы назло, и не думал таять. А ведь на «зачистку» оно было брошено ВСЁ и дальше больше! Диеты-анализы, фитнесы-пилатесы, массажи-сауны, медитации-аффирмации. Но жир зловеще «улыбается», не собираясь уходить.

Кто-то страдает от того, что он мал ростом, или напротив, чувствует себя палкой-мешалкой. Кто-то безумно хочет детей, но с ними никак не клеится. Если забеременела, то не выносила, а если выносила, то не факт, что живого и здоровенького родила.

Кому-то «повезло» родиться в общежитии/деревне, из которых им никогда в жизни не выбраться, сколь ни рвись на британский флажок. Одни маются, ползая по больничкам, дру-

гие с ума сходят на зоне, в очередной раз обещая самому себе «уйти в завязку», третьи убегают от кредиторов или скрываются от уплаты алиментов, всей своей широкой душой сожалея: ну, на кой я их столько настрого?!

Кто-то, уткнувшись курносый нос в угол, раскачиваясь, молится своим божкам, прося только о единственном: «Ну, дайте, дайте, дайте мне его! Я так его люблю! И больше мне ничего не нужно... Ни-че -го»!

Многие, очень многие, скачут на бровях, пытаюсь ухватить лишнюю копейку, а та, зараза, словно мадагаскарская фосса, в руки не даётся...

Вот и у меня, сколько я себя помню, всегда была боль. Боль всей моей жизни. Имя ей – РАБОТА. Или как нынче говорят: поиск предназначения! Оглядываясь назад и пересчитывая количество работ, которые у меня были, хочется запеть, а лучше заорать: «Сколько я зарЭзал, сколько перерЭзал....»

Глава 5

Куда пойти, куда податься, кого найти, кому отдать-ся...

Дети девяностых, к коим я отношусь, в массе своей не имели возможности получить качественную помощь от родителей, относительно одного из главных жизненных вопросов: какую профессию мне лучше всего выбрать?

Мы, тринадцатое поколение Странников, имеющее революционное сознание (теория поколений Штрауса), словно только что родившиеся котята, бились и продолжаем биться слепыми мордочками об острые углы жизни, мы совершали и совершаем невероятное количество ошибок. С самого рождения мы искали себя, но не находили. Мы и теперь всё ещё себя не нашли.

С детства я мечтала о балете. Моим самым жгучим желанием было желание надеть пачку и встать на пуанты!

Ба-ле-ри-на.... Почти пу-шин-ка... Невесомая. Хрупкая. Непостижимо красивая...

Но в сибирской деревне середины восьмидесятых – начала девяностых (впрочем, как и теперь) даже говорить о балете было совершенно неприлично. После подобных разговоров, «благодарные» слушатели крутили пальцем у виска, а мама, словно заезженная пластинка пилюкала одно и то же:

– Не говори ерунду! Какой ещё балет?! Тоже мне нашла

профессию! Бегать, как дурочка, по сцене, это что, профессия? Да танцор – это полный инвалид к тридцати годам! Даже не думай о своём дурацком балете!

К пятнадцати я навеки вечные смирилась с тем, что мне никогда не увидеть ни пачки, ни пуантов, ни сцены, ни оаций, как не увидеть собственных ушей без зеркала. Впрочем, к этому времени у меня возникло новое влечение сердца. Я поняла, что было бы неплохо помогать несчастным больным животным. Таким образом, я твёрдо решила стать ветеринаром. Но и тут не обошлось без маминых пяти копеек, которые она каждый день закатывала в мой «кошелёчек»....

– Нет, ты вообще что ли не в себе? Да ты знаешь, кто такой ветеринар??? Это же адская работа! Всегда по колено в навозе! Будешь яйца быкам в соседней деревне откручивать! Вот что такое ветеринар! Это работа по-твоему? Даже не думай об этом!

Моей маме, кстати сказать, относящейся к поколению Пророков (та же самая теория) повезло куда больше. Она нашла себя сразу и навсегда, получив фармацевтическое образование, в двадцать пять лет стала заведующей аптекой. Никаких мытарств, никаких проб и ошибок, никаких чёртовых советов и тем более запретов от собственных родителей она никогда не знала. Её профессиональная дорога казалась мне широченным автобаном, над которым светит ласковое солнышко, а по обочинам щебечут птички да цветут цветы. Кати себе и кати на любой желаемой скорости.

Закончив школу, я была совершенно деморализована. В моей голове не имелось даже примерного представления о том, кто я, чего хочу и куда мне двигаться дальше. Более того, живя в деревне, мои представления о том, какие профессии в принципе бывают, были весьма ограничены. Ограничены, прежде всего, рамками наших «славных» Залупцов.

На все мое хотелки у мамы были веские аргументы, почему «нет»!!! Но поступать, несмотря ни на что, куда-то было всё же нужно....

– Иди в пед или в мед, а ещё лучше – поступай в фармацевтический! – то и дело повторяла она.

О боги! Ну какой ещё пед? Тем более мед? Вы о чём??? Я же крови боюсь, а детей и вовсе ненавижу. Фармацевтический? Чтобы от меня вечно разило какой-то химозой? Ну, уж нет! Ни за что!!!

Выбирая из трёх предложенных зол, я остановилась на наименьшем: подала документы в Б-кий пединститут, однако, факультет иняза встретил меня совсем не ласково. На экзамене ВДРУГ выяснилось, что в немецком (за который в аттестате у меня стояла твёрдая «пятёра») ТОЖЕ есть грамматика... Ну откуда мне, учащейся сельской школы, было об этом знать, если на уроках дойча нам вслух читали книги об Эрнсте Тельмане да о том, какой страшной была жизнь в концлагере?!

Мой позор при поступлении был недолгим, хотя и глобально-тотальным! Красная, словно рак, я убежала с экза-

менов, поминая училку немецкого словом «шайсе», которое знала отнюдь не благодаря ей.

Ближе к осени, взяв меня в буквальном смысле слова за руку, маман отвезла меня вновь в треклятый Б. На сей раз в техникум железнодорожного транспорта.

Если бы я тогда знала, через какие муки ада мне предстоит пройти в своей жизни, я бы застрелилась прямо там же, на широком крыльце сего славного заведения. Но ничего этого в свои семнадцать я не ведала.

Меж тем, всё самое «лучшее» было у меня..... спереди.

Глава 6

Когда твоя мать – твой начальник

Муки, связанные с работкой, начались уже первого августа девяносто первого года. Ознаменовались они моим выходом на работу в аптеку. Отныне моим начальником была моя маман. А сама я была «посвящена» в... технички.

Когда ты являешься единственным ребёнком у матери-разведёнки, которая «жила только ради тебя», шансы вырваться из дома после окончания школы упорно стремятся к нулю. Любовь мамы удушающе велика, а её выражение крайне ... экзотично.

– Я замуж из-за тебя не вышла! Я не хотела, чтобы в нашем доме был чужой дядька! Он мог обидеть тебя! А ты... Ты!!! Ты собираешься меня бросить?! Ты хочешь уехать в город?! Нет! Я никогда, слышишь, никогда не допущу этого! Ты моя единственная дочь, я жила ради тебя! Я никогда не позволю тебе этого сделать!

К маманиному счастью, поступление в педагогический (на очное отделение) накрылось медным тазушком, впереди маячили три года учёбы в техникуме железнодорожного транспорта (заочно), обещавшие увенчаться дипломом, в котором чёрным по белому должно было значиться: «Бухгалтер».

О, боги! Ну, какой из меня бухгалтер?! Ведь неоднократно

но складывая «три» и «два», у меня всякий раз выходило либо «четыре», либо «шесть»! К тому же я на дух не выносила монотонную работу, требующую максимальной концентрации на цифрах. Одним словом, перспективка у меня вырисовывалась ещё та...

Отныне в перерывах между нечастыми сессиями я должна была усердно драить аптечный пол, словно матрос-новобранец палубу. А моя мать, подобно озверелому псу, постоянно шла за мной следом с носовым платком в руках, проверяя, не осталась ли где-то пыль, коей нет места в Храме стерильности! Впрочем, тяжесть моего бытия заключалась отнюдь не в постоянных проверках и придирках со стороны начальника, не в физических нагрузках. Нет! К ним я была приучена с детства, благодаря деревенской жизни. Моя печаль состояла в ином.

Судите сами: с одной стороны – мать, в буквальном смысле слова сдирающая с меня три шкуры, чтобы не дай бог никто в коллективе не подумал, что я завалена побрякушками и преференциями, с другой – сам коллектив (небольшой, всего-то человек двенадцать, в основном годящихся мне по возрасту в мамашек), принявший меня по-особому...

Пара-тройка «милых» тётей, имевших детей приблизительно моего возраста, возненавидели меня буквально с первой минуты. Возненавидели уже за одно то, что я «дочь начальника». Всякий раз при случае и без мне указывали на моё место «у параша»:

– Чего надо? Пошла отсюда! Видишь, взрослые разговаривают?!

– Ну, чего припёрлась? Тебя звали? Уши греть пришла? И поговорить теперь нельзя, всё начальнику доложит!

Моё «особое» положение длилось довольно долго. Словно стальной клинок я была зажата между молотом и наковальней.

Впоследствии подобная «рокировочка» будет с завидной регулярностью повторяться в моей жизни (но об этом позже). Из создавшегося моветона мною был сделан однозначный вывод: «Путь у каждого свой... У кого-то это «путь Абая», ведущий к пьедесталу и бессмертию, а у кого-то – всего лишь ... путь Бабая, петляющий меж коряг да собачьего помёта. И бог весть куда он меня заведёт...»

Глава 7

И в чёрной карме бывают прорехи

Отработав полгода техничкой, я была повышена до санитарки. Аптека, которой заведовала моя маман, занималась выпуском экстемпоральных препаратов, т.е. лекарственных форм, которые изготавливались непосредственно в самой аптеке по рецепту врача. Сие обстоятельство прямым образом влияло на количество привозимой грязной посуды, которую нужно было не только тщательно помыть в бог весть скольких водах, но и продезинфицировать в жарочном шкафу.

С раннего утра и до самого вечера в моечной вместе со мной трудились ещё двое: Лидия Семёновна и Надежда Петровна. Первая по возрасту годилась мне в бабушки и была во всех отношениях милым и приятным человеком, жалевшим меня, семнадцатилетнюю девчонку, как родную кровиночку. Вторая, кроме того, что ей пальца в рот засовывать не рекомендовалось, была полностью лысой и носила причудливые парики.

Однажды (мне было тогда лет восемь, а быть может и того меньше) я пришла к маме в аптеку. Впервые увидев Надежду Петровну, я, как воспитанная девочка, поздоровалась и, заинтересованная её престранной куделькой, с детской непосредственностью спросила: «Ой, тётенька, а что это у вас та-

кое на голове? Парик, что ли»? На что та, с не меньшей непосредственностью ответила: «Нет, девочка, это пи*да».

С тех самых времён Надежда Петровна возненавидела меня столь яростно, что как только я была переведена в санитарки, она предпочла уволиться, чтобы только не дышать со мной одним воздухом.

Кстати, по аптеке, как и по самой деревне, долгое время гуляли упрямые слухи, относительно морального облика вышеобозначенной персоны. Молва утверждала, что Надёнка гуляла с женатым мужичишкой, имевшим лютую жену. Узнав про любовницу мужа, та, недолго думая, тут же побежала к одной из местных бабок. Старуха за вполне умеренную плату «справила такую порчу», от которой с Надежды Петровны облетели, словно осенние листочки, все до единой волосинки, включая брови и ресницы. Сколько страдала не лечилась, у каких врачей и колдуний не была – ничего не помогало.

Примерно ещё через полгода я стала фасовщицей, обрета собственный кабинет, где меня уже никто не трогал и не шпынял. В те далёкие времена в аптеку в деревянных решётках, обложенных стружками, привозились двадцатилитровые стеклянные баллоны с разнообразными жидкостями, например, с настойками или спиртами, которые мне предстояло разливать по двадцати, пятидесяти или стомиллилитровым флаконам. Расквитавшись с очередным баллоном, я тут же принималась за этикетки. Аккуратненько от руки я

выводила: «Настойка стручкового перца». Вслед за этим специально сваренным клеем, похожим на сопли, я присобачивала этикетки к бутылочкам.

Разливать настойку пиона, пустырника или валерианы было одно удовольствие. По лету, когда стояла невероятная жара и в аптеке все двери были нараспашку, не единожды в фасовочную наведывались «шерстяные алкоголики» – коты, живущие окрест. Запах валерианы сводил их с ума. «Хвосты» готовы были следовать за ним даже на край Вселенной.

Когда же приходилось фасовать бутылки с йодом, который, как известно, не просто летуч, но едок, или нашатырный спирт, становилось совсем не сладко. Никакие тройные полотенца, завязанные на носу, не спасали – химозной вонью пропитывалось всё и вся. Пары проникали глубоко внутрь, заставляя фасовщика безбожно кашлять, чихать и «рыдать» над каждой бутылочкой.

Примерно через пару-тройку месяцев работы на фасовке я заработала первый ангионевротический отёк (или отёк Квинке), имеющий аллергическую природу. Тогда меня едва успели спасти, ибо отёк сразу пошёл вовнутрь. Работать и дальше на фасовке было сродни самоубийству.

Благодаря этой, так некстати вылезшей болячке, мама перевела меня на кассу, как будущего бухгалтера. И снова над моей головой собрались тучи, защёлкал грозовой бич, а с неба потекли струи грязи. Тётки бесновались, разговаривая между собой настолько громко, чтобы я могла слышать

каждое слово:

– Посадили овцу на кассу. Хорошо, когда мамаша начальник!

– Не говори! Наши девки без работы, а этой везёт, куда ни плюнь...

– Ага! Ворона-вороной! Два и три сложить в уме не может, а смотрикась – кассирка!

Без работы в начале девяностых в наших Залупцах куковали многие. Каждый родитель стремился хотя бы куда-то пристроить своего отпрыска, но далеко не всем сие счастье улыбалось.

Всякий день, переступая порог аптеки, я ненавидела её всё больше и больше. Меня выбешивало буквально всё, начиная с кассовой будки, к которой я была прикована, словно Бобик, и заканчивая моими «добрыми» коллегами, осыпавшими меня своими «эскападами».

«Бонусом» ко всей этой «прелести» были мои обязанности по наведению чистоты (на общественных началах, разумеется). Чтобы злобные пасти меньше брызгали ядовитой слюной, маман придумала «гениальное»: теперь перед началом рабочего дня (как и в конце оно) я должна была мыть пол в нескольких кабинетах, включая торговый зал (самое грязное помещение), за который никто не желал браться ни за какие деньги.

Увы, но «талантливое изобретение» начальника моих коллег не остановило, распалив их ещё больше. Бедолаги на все

сто были уверены в том, что теперь, когда я так много помещений мою, моя зарплата стала превышать все мыслимые и немыслимые пределы.

Глава 8

В голове моей опилки...

Всякой полосе, даже самой чёрной, приходит конец. Ты либо переходишь на светлую сторону жизни, либо понимаешь, что текущая полоска оказывается была светлого цвета... Именно так и вышло со мной.

Диплом бухгалтера с горем пополам был получен. Вот только что с ним делать, я в душе не чаяла. «Заушное» образование, как его величал мой дед, было налицо.

Из трёх курсов техникума я вынесла немного, зато главное:

- бухгалтерия – это сальдо, а ещё баланс, состоящий из очень странных статей.

- работать бухгалтером я ни за что на свете не буду!

На этом занавес опускается. Смело можно ставить жирную точку.

Но пугала меня не пустота, звенящая в голове. Нет! Меня пугало полнейшее непонимание того, что мне делать с собственной жизнью дальше.

В один из летних дней в аптеку пришла мамина знакомая, работавшая, как я потом узнала, начальником отдела дознания в транспортной милиции. Миловидная дама лет тридцати пяти сама предложила помощь, мол, чего вы всё маетесь, ведь можно же пойти работать в милицию! А я могу высту-

пить в качестве рекомендателя и даже трамплина.

Признаться честно, о работе в органах я никогда не только не мечтала, но и вовсе не думала. Однако чем чаще заходил разговор о милиции, тем больше я себя в ней представляла.

– А, может быть, и правда пойти служить родине? Чего мне ловить в этой поганючей аптеке? В конце-концов, милиция – это То Самое Место, где живёт правда. Это храм справедливости, если хотите! К тому же, погоны – это так красиво, это так романтично! – то и дело думала я.

Сегодня, вспоминая о жизненных установках того времени, мне всё больше кажется, что моя мама всё же рожала меня стоя. Очевидно, вследствие родовой травмы – не иначе – мои тогдашние представления о жизни были столь сильно искажены.

Собрав необходимый пакет документов и успешно пройдя медицинскую комиссию, я готовилась к новым свершениям. Не сегодня-завтра мне предстояло занять должность дознавателя (диплом бухгалтера и протекция моей визави давали мне таковую возможность), а по осени снова пойти учиться. На этот раз в школу милиции, расположенную в Чмошске. Всё обещало сложиться самым наилучшим для меня образом, как вдруг...

Как вдруг мамина знакомая и моя будущая без пяти минут начальница, возвращаясь из близлежащего посёлка, попала в автомобильную катастрофу. Смерть была мгновенной.

Нет бы мне тогда увидеть в этом знак судьбы, нет бы мне

тогда отказаться от этой глупой и чужеродной затеи с погонами, нет бы включить голову... Впрочем, в тот момент в моей голове были исключительно опилки.

Придя в кабинет начальника отдела кадров ЛОВД на станции Залупцы, я узнала, что вакантной должности дознавателя в отделе дознания НЕТ, но так как я прошла комиссию в качестве исключения меня готовы принять на должность ... постового милиционЭра.

Включать «заднюю» было выше моих сил, да и вообще не в моих правилах. И я согласилась, совершенно не понимая, куда меня уведёт мой путь Бабая....

Глава 9

Странный случай в Залупцах

Пришло время в собственный портрет добавить красок. Наряду со стандартным набором: «родилась», «училась», «не была», «не имела» и «не привлекалась», особой я была и остаюсь довольно своеобразной и противоречивой.

Если бы мне пришлось описывать себя одним единственным словом, то слово «косяк» подошло бы лучше иных. Все остальные качества, словно бусины, нанизывались на мою раздолбайскую основу, но говорить о них теперь я не стану, ибо всему своё время, да и лучше всяких слов обо мне расскажут моя приключения.

Природная косячность то и дело помогала мне влипать в разного рода истории. Чего только стоил тот случай, когда про мою выходку написала местная поселковая газета. А начиналась «легенда» как в старой песенке: «Дело было вечером, делать было нечего»...

В один из вечеров мы с моей задушевной подругой Светкой сидели на площадке детского сада и изнывали от тоски зелёной. Было невыносимо жарко и ещё более невыносимо тошно. Неуправляемая задорная энергия, хлеставшая через край, отягощала и без того дурные наши головы. Мысль: чего бы такого замутить? – висела в воздухе.

– О! Я знаю, что мы сделаем! – вскричала Светка. – Мы

замутим кому-нибудь гадость типа той, что замутили в универе. Есть у нас один мерзкий препод, достал уже всех! Так мы всей группой ему...

— Хм-м, Света, зачем мы будем делать кому-то гадость? — бесчеловечно прервала я. — Мы поступим иначе!

И поступили....

В двадцатых числах июня в местной газетёнке появилась статья под названием «Жертвы розыгрыша», в которой говорилось:

«Редакция газеты не перестаёт удивляться наивности нашего народа. В воскресенье случилось пренеприятное событие. Возле местного дома культуры собралась огромная толпа, которая добрых три часа простояла возле дверей общественного заведения в ожидании, когда же те гостеприимно распахнутся. Излишне говорить, что двери остались закрытыми. Причиной сбора людей стали неизвестно кем напечатанные объявления, расклеенные по всему посёлку, вот их текст:

«Уважаемые жители села!

Доводим до Вашего сведения, что 12 июня 1992 года в районном доме культуры ровно в час дня состоится гуманитарная раздача товаров первой необходимости. Вы сможете приобрести детскую одежду и средства личной гигиены, продукты питания и медикаменты, произведённые в странах Европы и США. В первую очередь будут обслуживаться малоимущие и многодетные семьи.

При себе иметь паспорт».

Завершалась газетная заметка обращением к легковёрным жителям, призывавшим их верить только в ту информацию, что публикуется в газете посёлка Залупцы, а не в ту, что на заборе пишется.

Как ни странно, но явившись мозгом и идейным вдохновителем сей замуты, о содеянном к 12 июня я напрочь позабыла. И вот почему: Светка, раньше времени сдав сессию, прикатила домой в середине мая. Текст объявлений был мною набит на аптечной печатной машинке в конце последнего весеннего месяца и той же глухой ночью совместно с ней расклеен на всевозможных заборах и магазинах.

Мавр сделав своё дело, мавр может обо всём позабыть. Но волею случая вышло так, что двенадцатого числа Светкин родной брат чудом оказался в той самой толпе, что собралась возле ДК в ожидании халявы. Придя домой, он сквозь слёзы захлёб рассказывал всему семейству о несостоявшемся мероприятии:

– Особенно Облысовы порадовали! Припёрлись все девять человек! Аха-ха-ха-ха... хотели больше всех загрести... а-ха-ха-ха.... Придурки! Все с преогромными сидорами! А хрен-то там... а-ха-ха-ха-ха...

Так я, сама того не желая, стала местной знаменитостью, пусть даже и анонимной. Сказать по правде, меня некоторое время мучили угрызения совести из-за столь дурацкой шутки. Успокоение пришло не скоро, да и то после долгих при-

балтываний самой себя: «Ну ведь никто не пострадал... Народ собрался вместе, пообщался... Погодка не подкачала... Людям вечно некогда, а тут такой прекрасный повод...»

Глава 10

Кока: штришок к портрету

Знакомство с Кокой – именно так к нему обращались все его домочадцы – грозило перерасти во что-то очень серьёзное. О таком принце я и мечтать не смела! Во-первых, нездешний, что уже в отношения привносило пикантности и даже некоего мистицизма. Сын далёкой самаркандской земли, овеванной седыми тайнами, можно сказать, истинный выходец сказочного востока (хотя и русский). Во-вторых, красив, как Аполлон, что любой девушке приятно, хотя и очень хлопотно. В-третьих... В третьих, Кока бредил милицией. Но отнюдь не справедливостью...

– Я в милиции хочу работать из-за перспектив. Там такие шабашки можно заколачивать! Помыслить страшно...

– Какие такие шабашки?

– Ну, ты чего, Майка? Разве непонятно? Зарплата капает, а ещё и дополнительный доход. Притом шабашки больше чем зарплата бывают. Это я точно знаю! Это как стараться будешь.

– Ты взятки собрался брать с людей, что ли????

– Ой, как громко сказано! Почему сразу взятки? Ну-у-у-у, пусть благодарят меня за добрые дела, которые я стану для них делать. Что тут такого? Ты что же думаешь, что на одну зарплату можно нормально прожить? Или ты решила, что в

ментуре никто взятки не берёт?

– Может и берёт, но это позорное исключение! И я даже слушать об этом не хочу! – возмущалась я.

– Майя,ними наконец розовые очки! Ты как будто с луны упала! Да сейчас все берут взятки, и это нормально! По-другому в России нельзя!

Это было наше первое разногласие, после которого в отношениях наметилась едва заметная трещина.

Как ни странно, но я на все сто процентов была уверена в том, что жить на честно заработанную зарплату можно. Именно так мы с мамой и жили. Как сыр в масле, конечно, не катались, но были не хуже других. Каждый год ездили в Москву за покупками и даже дважды – на Кавказ, пить минералку, бившую из-под земли.

Глава 11

Мусарня, здравствуй, или казусы поступления

Несмотря ни на что, со школой милиции у меня никак не складывалось. Поступить с первого раза в «полицейскую академию» (именно так я её впоследствии стала называть), находящуюся в городе Чмошке, не получилось. Увы, но и второй заход должного результата не дал.

Причиной первого провала стали двойки по физической подготовке, причиной второго – моё опоздание. Нет, нет, не подумайте, что я опоздала на экзамены! Я опоздала совершенно в ином смысле. Оказалось, что списки поступивших (будущих курсантов) были подписаны начальником «академии» задолго ДО НАЧАЛА вступительных экзаменов. Да, так бывает... Ну а что? Человек всё подписал и укатил на всё лето в отпуск. Почему бы и нет? Генерал, знаете ли, имеет право! Все «откаты» собраны, можно со спокойной совестью наслаждаться житием.

Про казус со списками поступивших нам стало известно благодаря старинному другу детства моей матери. Когда-то дядя Миша был просто Мишкой и дергал мою маман за длинную косу, что её дико бесило. Теперь же он занимал довольно внушительный пост в силовых структурах, а плечи его украшали два просвета и три звезды.

Михаила Семёновича Сергеева мама разыскала после

долгих лет разлуки.

– Миша, что же, она у меня совсем тупая? Готовится, готовится девчонка, а толку никакого... и ведь в школе-то хорошо училась, и спортсменка... Ну, как у неё могут быть двойки по физкультуре, если она на соревнованиях первые места занимала?! Я ничего не понимаю!

– Айн момент, Верочка, всё выясню и дам обратную связь, – пообещал бывший одноклассник, несказанно обрадованный столь нечаянной встречей.

И обещание сдержал.

– Веруня, ты понимаешь... Ну, я даже не знаю, как тебе ситуацию эту объяснить.... У ментов всё так...

– Как??? Как, Миша, у этих ваших ментов?

– Верочка, эта школа... Одним словом, школа – это государство в государстве. В ней чего хотят, то и воротят. Ребята мне шепнули, что генерал уехал отдыхать куда-то, а чтобы его не беспокоили, списки поступивших подписал заранее, ещё до начала экзаменов. Эх, Верочка, чего же вы меня раньше не нашли? Я бы всё устроил. В эту школу попасть не так-то просто! В ней одна блатота учится. Я этого генерала лично не знаю, но мои ребята мне бы помогли. Давай теперь уже на следующий год будем ориентир держать. Я помогу Майе поступить. Обещаю.

Глава 12

Свершилось...

Осень девяносто четвёртого ознаменовалась сразу несколькими важными для меня событиями. Во-первых, Кока поступил на очное отделение той самой школы милиции, которую я «штурмовала» дважды. Во-вторых, моё третье поступление, конечно же, не без помощи Михаила Семёновича, наконец-то увенчалось успехом. Зато с формой обучения вышла самая что ни на есть печальная печаль. Именно в тот год, как назло, девушек на очное отделение «академии» не принимали, посему пришлось довольствоваться заочкой, но самое главное заключалось в исполнении моей «Самой Большой Мечты». Я стала сотрудником транспортной милиции.

Пройдя семь кругов ада: написание автобиографий, сбор всяческих справок, замудённую медицинскую комиссию, ПФЛ и хбз что ещё, я стала ... постовым милиционером с графиком работы день-ночь-сорок восемь.

Мне выдали форму: зимнее и летнее платье, три рубашки, юбку, китель, шапку-чебурашку, шинель шестьдесят восьмого размера (другой не оказалось) и погоны, забыв о пуговицах со звёздами, коими погоны должны были крепиться к форменным платьям и рубашкам. Страж порядка, на которого нельзя было смотреть без слёз, был практически полностью экипирован.

Казалось бы, служи – не хочу, ползи-карабкайся вверх по служебной лестнице, отстаивай справедливость, бейся за правду, будь примером для всех, но что-то пошло не так уже во второй месяц моей службы....

Глава 13

«Усиление» и с чем его едят

Было усиление. Для тех, кто не знает, что такое «усиление», скажу, что это особый режим службы, подразумевающий не только более длительный рабочий день (не менее 12 часов), отмену или отзыв из отпуска, отсутствие выходных, но и запрет на выезд за пределы населённого пункта, в котором дислоцируется сотрудник милиции, если, конечно, данный выезд не предусмотрен служебной необходимостью. Так вот, было усиление, но я, ни сном ни духом не ведавшая о столь жёстких требованиях к сотрудникам, прихватив с собой форму «ЗК» (документ, позволявший в те времена милиционерам бесплатно ездить на железнодорожном транспорте по России), в свои честно заработанные выходные махнула на денёк в соседний город, тот самый, который «сделал» из меня бухгалтера. Там, по роковому стечению обстоятельств, при возвращении с местного рынка к родственникам у меня, словно у последней Каркуши, в троллейбусе вытащили дамскую сумочку из битком набитого пакета. Вместе с сумочкой, как дети в школу, ушли билет на обратную дорогу, остатки денег после удачного, как теперь бы сказали «шопинга» и форма «ЗК», которая относилась к документам строгой отчётности, следовательно, подлежала обязательному возврату.

Наивность моя на том жизненном рубеже не имела пределов, я до последнего надеялась, что повинную голову меч не отсечёт. Вернувшись домой, я тут же во всём призналась непосредственному начальнику Перебейносу. Всё, что случилось после, было похоже на фарс, на дурной сон, который невозможно ни придумать, ни где-то подсмотреть.

Меня судили. Судом чести. Вместе со мной на «скамье подсудимых» было ещё трое: дежурный и два постовых.

Все мы отличились по полной программе. Пока я гуляла по городскому рынку и совершенно счастливая тратила первую зарплату, ребята (старшему из которых было под пятьдесят), недолго думая, отмечали усиление по-своему...

Глава 14

Будни милицейского наряда

– Вась, ты меня не встречай, – сказала Зинаида, жена начальника милиции, когда тот собрался было прикатить в пять утра на вокзал, чтобы встретить её из командировки. – Меня Ваня Хвостов до дома довезёт, я уже посчитала, это как раз его смена будет. Он всё равно на машине. Чего ты будешь беспокоиться и так рано вставать? Спи уже...

Ну, Хвостов так Хвостов. Он в доску свой человек, тем более все трое: Василий Парфёнович, Зина и Ваня из одной деревни. Жену начальника он не обидит, это уж точно!

Рано утром, едва стрелка часов показала пять, дверь в дежурку, вернее в её предбанник, тихонько отворилась. Бдительные милиционеры через пуленепробиваемое стекло, венчавшее собой деревянную перегородку, могли бы увидеть жену Василия Парфёновича. Могли бы, но не увидели. Зина, всего на мгновение задержавшись на пороге, успела удивиться: надо же, в дежурке никого нет, а внутренняя дверь, ведущая в саму дежурку и помещение, где находилась оружейка, открыта.

Странно...

Секундой позже удивление сменилось страшным испугом. Решительно шагнув на порог довольно большой дежурной комнаты, которая по Уставу всегда должна была быть

закрытой, Зина увидела распростёртые на полу тела. У неё тут же подкосились ноги.

– Боже... убили... Наряд убили! – это была первая мысль, поразившая жену Парфёныча в самое сердце. – Усиление ведь... Из-за оружия убили! Ребята же с автоматами... Вот и кровь на полу...

Только было Зина собралась что есть мочи заорать: «УбиВцы», как входная дверь громко распахнулась, и на пороге появился Ваня Хвостов собственной персоной, правда, едва стоявший на ногах. В упор не видя Зинаиду Петровну, землячок тщетно пытался стряхнуть с кителя остатки... блевотины.

До полусмерти напуганная жена начальника милиции, словно осенний лист, опала на стоявший поблизости стул. Только теперь она увидела, что автоматы на месте (один валялся под столом, два других висели на здоровенном штыре у окна), а лужа «крови», растёкшаяся на полу, была совсем не кровью, а чем-то иным. Мокрые до колен брюки дежурного были красноречивым доказательством тому.

Как вы, наверное, уже и сами догадались, Васю Зине-таки пришлось разбудить в то злополучное утрышко.

Глава 15

Судилище бесчестия

Судили меня вместе со «святой троицей». Итог судилища был следующим: меня не уволили из органов благодаря чуду (не иначе!), впендюрив строгача с занесением в личное дело; зассанца-дежурного с почестями отправили на пенсию (благо время давно пришло), а Фёдку (самого молодого постового) турнули из органов по «собственному» желанию.

– Фёдку-салагу ваше не жалко! Дебилушек он и в Сибири дебилушек! (У Фёдора действительно была лёгкая степень дебилности, что совершенно не мешало ему до первой грандиозной пьянки «тянуть службу»).

– Ага! От него всё равно толку, как от козла молока. Пускай теперь скотоводством занимается, раз бухать не умеет, придурок! – посмеивались коллеги.

И только Ванечке Хвостову повезло больше остальных. Ему просто погрозили пальчиком.

– Ванёк-Ванёк! Ай-ай-ай! Ты так больше не бухай!

Ваньшу Хвостова увольнять было нельзя. Ну, никак нельзя! На горизонте маячила свадьбка, которая обещала стать событием года той самой деревни, из которой вышла добрая половина нашего милицейского коллектива. Обещала – и стала.

Глава 16

А свадьба пела и дралась...

Такой свадьбы приглашённые ещё не знавали! Жених-орденоносец (медаль заработал в Чечне), невеста – вся Фея Невозможная. Гости глядят на пару – не налюбуются. Пьют – не нарадуются. Больше всех воркует тёщенька:

– Ай да зятёк! Ай да герой! Как же нам с зятюхой-то повезло!

Со всех сторон: «Горько! Горько»!

Чем больше пили, тем чаще хотелось курить и говорить по душам. С каждой новой рюмкой Фея Невозможная утрачивала свой шарм и притягательность, а вот друзья-товарищи, напротив, становились всё желанней и милее.

– Ваня, ты где? Ваня!

– Ваня, ну чего ты опять ушёл?

– Ваня, нас зовут к столу! Слышишь меня?! Нас целоваться зовут, Ваня...

– Ваня, бл*дь сколько я ещё должна за тобой бегать?!

– Ванька, мать твою! Если ты сейчас же не пойдёшь со мной, то я... я....

Бог его знает, чем бы завершились призывы Феи Невозможной, если бы не Ваньшины закадычные друзья, решившие отстоять поправленные права близкого им товарища.

– Ванёк, ты чё бабу так расслабил? А? Ставь её на место с

первого дня! Не то на голову несерет, – советовали они. – Чё она у тя блажит? Нервная, что ли? Может ей слегка в торец зарядить, шоб затухла малость?

– А и правда, чё она блажит?! – взбеленился Ванёк. – Что за на!?! Имею право общаться с друзьями, сколько в меня влезет! На то они мне и дружки! Имею право культурно отдыхать!

Дальше-больше... Дальше: слово за слово, хреном по столу...

– Козлище ты, Ванечка, премерзкое! Премерзкое и прегадкое, – сквозь слёзы, бормотала Фея, – для тебя друзья дороже? Да? Да? Ладно.... Сейчас ты у меня запоёшь! Запоёшь, я тебе обещаю...

И вот уже обручалка с Ваниного пальца полетела в пыльную придорожную траву. И вот уже порваны и разбросаны все фотографии, сделанные в Чечне. И вот уже у Феи разбита нижняя губа. И вот уже тёщенька ломает стул о голову орденоносного затюхи. И вот уже гости, впечатлённые «завязкой», медленно, но верно идут стенка на стенку.

Деревенская свадьба... что может быть тебя веселей? Разве что свадьба Ваньки Хвостова? В субботу – свадьба, в воскресенье – развод...

До самой зимы развесёлое мероприятие смаковалось и мусолилось коллегами во всех деталях и подробностях. Иван, конечно, старался вычеркнуть данный эпизод из собственной жизни, но предательские швы, наложенные на лоб,

всякий раз напоминали ему о былом, стоило только подойти к зеркалу.

Глава 17

Первый «трофей»

В декабре я обморозила пальцы на ногах. Весь месяц стояли сорокаградусные морозы, но это не мешало начальнику МОБ (милиции общественной безопасности) изводить меня ночными проверками. Никакие морозяки не могли его остановить. Капитан Перебейнос был одержим идеей распрощаться со мной, ибо считал меня белой вороной, случайно залетевшей в райские кущи. Открытым текстом он твердил:

– Ты, Лисицына, бельмо на глазу у нашего коллектива! Ты мне портишь всю статистику! На твоём счету ни одного доставленного в дежурную часть. Ты хлеб пожираешь зря!

Впрочем, я считала иначе.

– Как же так? Я привела одного доставленного, – робко возражала я.

– Твой доставленный не считается, с него всё равно взять было нечего.

– Ну, я же не виновата, что он всё пропил....

В одну из смен, ближе к вечеру, аккуратно накануне прихода поезда, когда зал ожидания был битком набит людьми, я сквозь него вела своего первого задержанного. Впрочем, сказать «вела» было бы не совсем правильно. Здоровенный детина, раза в три больше меня, едва держался на ногах. Слов-

но грозный страж порядка, я пыталась вести его то под правую, то под левую руку, потом придерживать сзади, и, наконец, спереди, но все мои попытки были тщетными и завершились БП (Бо-о-ольшим Позором). Дядя рухнул на пол на глазах ожидавших поезда, а я по инерции тут же накрыла его собой, словно по команде «Воздух». Моя форменная чебурашка укатилась под лавку, предательски выпустив на свободу две весёлые косички, как у Пеппи Длинныйчулок.

В зале воцарилась мертвенная тишина.

– А-а-а-а, вот же позор! Чёрт возьми! Всё равно дотащу! А-а-а-а, какой кошмар и ужас!

Собрав все силы в кулачок, я каким-то чудом, не иначе, подняла с пола тушу мертвецки пьяного борова и всё же допёрла-доволокла до дежурки. И тут-то, как сказала бы цыганка, вышли «напрасные хлопоты». Во-первых, боров упёрся обеими руками в косяки и забить его внутрь дежурки было решительно невозможно. Во-вторых, коллеги, услышавшие возню за дверью, тут же вышли посмотреть, чего там такое происходит. Увидев мои потуги, сонно зевнув, они молвили:

– Ну и нах... ты его сюда приволокла?

– Ага, нах...? Он у нас вчера был, и мы его уже выпотрошили. Пусть бы себе валялся.

Мне было ужасно обидно, а самое главное стыдно перед «зрителями», сидевшими в зале ожидания. Цирк на дроте и всё бесплатно....

Глава 18

Не без «добрых» людей...

В целом ко мне все ребята относились довольно хорошо, за исключением Перебейноса и одного из четырёх дежурных, по фамилии Ивашкин. Рыжему майору, годившемуся мне в отцы, со слов коллег, «не давали бабы», от этого он был всегда зол, аки дьявол и оных ненавидел, словно Шариков весь кошачий род.

Однажды вышел прегадкий случай. Меня зарядили на весь месяц работать в одну смену с Ивашкиным. Часов в пять утра, зайдя в дежурную часть, я всего на минуточку положила голову на стол дежурного (сам он в этот момент спал в соседней каморке) и тут же отрубилась. На улице был собачий холод, поездов в ближайшее время не предвиделось, вокзал пустовал, а вся прилегающая территория в очередной раз была исследована...

– Встать! В следующий раз я тебе по башке дубиной в*ебу и предупреждать не стану! Чего развалилась? У тебя рабочая смена, иди в зал и работай, постовым в дежурке не место!

От крика и резкого удара резиновой палкой по столу – совсем рядом с тем местом, где лежала моя голова, – я подскочила, словно ужаленная.

Ивашкин же, опухший ото сна, был очень доволен произведённым им эффектом.

И только в девять утра, сдав смену и придя домой, наконец-то я смогла дать волю своим слезам.

— Чего я ему сделала? За что меня этот Ивашкин так ненавидит? — жаловалась я матери.

— Майя, на больных грех обижаться. Они всех ненавидят. Его мамаша всё время нашу бабу поедом ела. Как встретит, так и начинается:

— Верку-то хорошо кормишь, она у тебя родная, а Витьку-коротышку, как попало. Он ведь приёмыш, ему и кислая капуста сгодится. Это от твоей кислятины он такой маленький и ни черта не растёт! Дохлый весь и светится! Гавкала сука до тех пор, пока ей дочка в подоле не принесла. Да не просто принесла, а принесла карлика.

После маминого откровения, экзерсисы Ивашкина меня совершенно перестали трогать, да и работать вскоре я стала с ним в разные смены. С Перебейносом всё было куда печальнее. Этот экземпляр, прикативший в Сибирь в наши Залупцы в начале восьмидесятых из Бендер, был куда непредсказуемее и подлее.

Он обожал явиться в три часа ночи (и сорокаградусный мороз ему не был помехой) на перрон и проверить, насколько старательно я исполняю свои должностные обязанности, суть коих была до тошноты простой. Пришёл пассажирский поезд, его нужно встретить, стоя на перроне. А дальше наряд милиции (это два постовых) был обязан данный состав «обработать» (т.е. весь, от головы до хвоста пройти туда и об-

ратно, если, конечно, время стоянки позволяло сие осуществить). После «променажа» нам надлежало вновь «пасться» на перроне вне зависимости от погодных условий до тех пор, пока поезд не сделает «ту-ту».

В одну из таких вот ночей ноги я и обморозила. Перебейнос, упиваясь собственной властью, стоял вместе со мной на жутком морозе все тридцать пять минут, до тех самых пор, пока очередной пассажирский не показал нам свой хвост.

– Лисицына, ты когда в органы шла, о чём думала? Здесь тебе не хухры-мухры, а строгая дисциплина! А ты, Лисицына, всё время её нарушаешь. Вот и сейчас нарушаешь форменный Устав. Если мёрзнешь, опусти уши у шапки, но не так, как ты это сделала, а завяжи их под подбородком. А если тебе кажется, что уши под подбородком – это некрасиво, то подними их и завяжи так, как положено по Уставу – сверху шапки. Чего они у тебя свободно болтаются? Завяли? Отпали? Или, может, ты не знаешь, как шапку форменную носить?

Устав от систематического гнобежа Перебейноса, я всеми фибрами души начала грезить уголовным розыском. «Да-а-а, уголовка – это Настоящая Работа! Сплошная романтика и движняки, куча всего интересного, а главное – работа людям пользу приносит. К тому же начальник у них – мужик хороший», – дни напролёт думала я. Именно такой рисовалась мне жизнь среднестатистического опера.

– Маечка, зачем тебе наши печали? Уголовка – это не жен-

ских ручек дело и уж точно не женской головки, – усмехались опера, глядя на меня – желторотую пигалицу метр пятьдесят пять ростом.

Мой пыл остудил беглый просмотр фотоальбома со «жмурами». Особенно впечатлили и надолго врезались в память два фото: на первом – крупным планом висельник, болтающийся на железнодорожной эстакаде, на втором – бабушка в ведёрках. Не повезло старушке, оказалась между двумя скорыми поездами, её останки долго собирали лопатами и совками.

Фотоальбомчик подействовал на меня, словно ритуал «Вуду». Впечатлившись буднями уголовного розыска, больше им я никогда уже не грезила.

– Бррр... ужас какой! Уж лучше общение с Перебейносом, чем такое, – обречённо думала я, совершенно не подозревая о наличии иных, более радужных вариантов и перспектив, которые могли бы быть в моей жизни.

Глава 19

Швета-Абазур

Стоит отметить, что я была не единственной девушкой-постовым. Мою коллегу Швету-Абазур (именно так её звали в нашем посёлке) Василий Парфёнович всем без исключения ставил в пример.

– Лисицына, и ты учишься у нашей Светланы. Она хоть и строгая, но справедливая. Размазне в милиции не место! Учись-учись! Вчера вон, так бича ПРом отходила, что у него шкура на спине лопнула. А ты у нас белоручка и неженка, с говном работаешь, но хочешь не измазаться. А так не бывает!

Тридцатилетняя прапорщик Швета действительно могла «отходить» кого угодно. Не всякий мужик решался ударить доставленного, тем более со всей дури, а у неё это было за просто. Сначала мат-перемат, а вслед за этим – для пущей убедительности – палкой по зубам.

Первую часть своего странного прозвища Швета-Абазур получила во времена лихой юности, когда «никого мимо не пропускала», вторая часть присовокупилась к ней вскоре после того, как наша героиня стала представителем Закона.

Но отчего же «Абазур», спросите вы? В некотором смысле виновницей являлась Ильза Кох, жена того самого Коха, возглавлявшего печально известный Бухенвальд. Жёнка

у Карла была ему под стать. Она не только питала особую слабость к предметам, сделанным из человеческой кожи, но и активно помогала своему муженьку налаживать «процессы» на вверенном участке. За «трудолюбие» и особое рвение Ильза и получила у узников прозвище «Фрау Абажур». Не трудно догадаться, из чего тот был сделан...

Слава богам, мне ни разу в жизни не пришлось работать со Шветой в одну смену. О её садистских наклонностях я могла судить исключительно по рассказам коллег. Смею предположить, что если бы Швета-Абажур родилась в Германии в начале двадцатого века, то думать, в чём себя реализовать, ей бы особо не пришлось.

Шветин супруг также был нашим коллегой, но он по большей части крутил баранку. В тот год (1994) от нашего коллектива десять человек уехали в Чечню в долгосрочную командировку. Все жёны, провожая своих мужей, рыдали в голос. Швета-Абажур не стала исключением, чем весьма озадачила многих.

– Шветуля, ты, оказывается, у нас и плакать умеешь? Или в тебе водка плачет? Не бзди, родимая! Вернётся твой мужик целым и невредимым.

Мужик и впрямь вернулся без повреждений, как и предрекалось, правда, радость была недолгой. Недельная пьянка по случаю удачного возвращения завершилась страшнейшей автомобильной катастрофой. Славного «чеченца» буквально отскребали от того, что раньше называлось машиной.

Абажур на похоронах не проронила и слезинки, а пару месяцев спустя спокойно сообщила:

– Мужики, я опять замуж! А чего сидеть да горевать? Витальку всё равно не вернёшь. А жизнь продолжается!

Глава 20

Казусы ментовской жизни

Хватало, конечно, и казусов. Редкий понедельник обходился без разбора полётов, связанных с бесконечными пьянками личного состава. Сотруднички, не найдя иного места, как личный кабинет, зачастую бухали прямо в нём. А почему бы и нет? Начальство в выходные далеко. Кто-то на рыбалке, кто-то в соседней деревне стоит вверх гудком в родительском огороде, а кто-то и вовсе укатил на моря. В понедельник коридор изобиловал «полезными ископаемыми»: пуговицами, лычками, звездочками, а порой и погонами или клочками форменных рубашек. Напившись до чертей зелёных, коллеги задавались сакраментальным вопросом: «Ты меня уважаешь?», который всякий раз заканчивался одинаково – мордобоем.

Однажды мне пришлось выехать с операми на ловлю «зайцев». Транзитные поезда, идущие из Казахстана, всегда были набиты под завязочку, особенно это касалось плацкартных вагонов. Люди, словно челноки, бесконечно сновали через недавно возникшую границу, привозя в Россию одни товары и увозя другие. Проводникам тоже хотелось заработать, и они делали это, как умели. А вот у представителей власти мотивация была иной: вышестоящее начальство жёстко требовало «палок» – регистрации всё новых и новых правона-

рушений и преступлений. Где хочешь, там и ищи, хоть сам сначала накачивай народ водкой, а потом оформляй по 162 КоАП РСФСР.

Логика в этом порочном замкнутом круге не было никакой. Судите сами: с одной стороны руководство МВД кричало о профилактике правонарушений (т.е. о мерах, которые бы предупреждали нарушение закона), а с другой спускало планы и требовало их исполнения. Ну, например, в этом месяце должно быть зарегистрировано сто протоколов по статье 158 КоАП РСФСР, а также двести по статье такой-то. Если регистраций было мало и план не выполнялся, сие автоматически означало, что ты работаешь из ряда вон плохо и тебе не место в рядах представителей закона. Но ведь если нет нарушений, логически следует, что профилактика организована на самом высоком уровне. Ан, нет! Приказано: круглое переносить, а квадратное – катать, вот делай, что сказали...

Февральский вояж мне запомнился надолго, во-первых, я своими глазами увидела, что значит «ловля зайцев», во-вторых, казус, произошедший в ночном плацкарте, долго заставлял меня смеяться до слез всякий раз, когда я сталкивалась с Масловым.

«Охота» была делом отлаженным и простым до безобразия. Сотрудники милиции, войдя в вагон, сразу же требовали у проводника билеты на кочующих пассажиров. Как только билеты были посчитаны, начинался подсчёт «де факто» –

по головам. Разница между первым и вторым давала ответ на вопрос: есть ли зайцы и если есть, то в каком количестве.

В тот раз в ночном вагоне оказалось два «зайчика», которых, следуя букве закона, нужно было незамедлительно оформить. Скромно устроившись на нижней боковушке, Маслов, один из оперов, заполнял протокол. Я, стоя рядом, тяжело вздыхала. Мне было искренне жаль незадачливого проводника, который так глупо попался на горяченьком.

Теперь «телега», которую писал Маслов, прилетит горе-«предпринимателю» на работу, и его, скорее всего, уволят, – с горечью думала я, – а виноваты в этом мы. Эхххх.... ну что за работа такая дурацкая? Разве это преступники»? Вот где у нас справедливость?

Закончив с проводником, принялись за «зайцев», которым все эти писульки, сказать по правде, были, до Бениной мамы. Оба не работали, следовательно, никаких санкций, кроме копеечного штрафа, им не светило. Пока Маслов царапал бумагу, «зайцы», прижав уши, стояли рядышком и изо всех сил сдерживали смех. Причиной смеха являлся мужчинка в самом расцвете сил, спавший на соседней нижней полке. Сладенькому, очевидно, снилось что-то очень приятное, от чего он довольно громко попёрдывал. Первый громогласный «пук» заставил всех насторожиться: «Да, ну на-а-а...! Не может быть»! Однако всё последующее жопное «песнопение» вызывало желание не просто засмеяться, а заржать, аки лошадь Пржевальского. Я, конечно, знала, что

«сонна жопа — барыня» — так иногда говаривала моя бабка, — но ситуация была до боли комичной: административные протоколы составлялись под жизнеутверждающий аккомпанемент здоровяка, который в силу своего богатырского сна, пропустил всё самое интересное.

«Зайцы» с каждым новым аккордом хихикали, я рукой прикрывала улыбку, и только стоический Маслов был непоколебим. Не единый мускул не дрогнул на его лице. Казалось, что он не только нем, но ещё и совершенно глух. Разделавшись с бумажной волокитой, мы двинулись в следующий вагон. Оказавшись в тамбуре, Маслов в буквальном смысле сложился пополам:

— А сейчас... я буду.... ржать...

Хорошо, что предупредил, иначе бы я испугалась гомерического хохота, разразившегося в то же мгновение.

Жизнь среднестатистического мента в начале девяностых очень сильно напоминала игру в русскую рулетку. Впрочем, не думаю, что нынче что-то сильно изменилось. Никогда не знаешь, кому и когда достанется твой шальной патрон. Едва ли не единственный нормальный милиционер, служивший со мной, был вынужден на веки вечные снять погоны и отправиться в места не столь отдалённые. Случилось это по роковой глупости, от которой не застрахован никто.

Обходя ночью вверенную территорию, Петренко услышал и увидел какие-то странные шевеления в кустах, с трёх сторон плотнячком обступавших студию звукозаписи, располо-

женную на привокзальной площади наших Залупцов. Кричал ли он, предлагая выйти из кустов, или сразу, без предупреждения, швырнул в кусты камень, оказавшийся под ногами, неведомо, да и не столь уж важно. Поутру в злополучных дебрях обнаружили труп с черепно-мозговой травмой. Жертвой оказался несовершеннолетний умственно отсталый парнишка, которого местные аборигены окрестили Робинзоном за то, что тот постоянно убегал куда подальше от своих несчастных родителей, хронически его разыскивающих.

В то утро я принимала смену и видела, что на Петренко не было лица. Страшно представить, какими мыслями и сомнениями от был раздираем изнутри. Сдав оружие, бедолага отправился в здание, где базировался отдел внутренних дел на транспорте, и там написал чистосердечное признание. Спустя двадцать с лишним лет после того несчастного случая иной раз думается: а был ли Петренко виноват на самом деле? Быть может, в тот миг, когда в кусты летел запущенный его рукой камень, в этих самых зарослях происходило что-то страшное, к чему камень имел лишь опосредованное отношение... Кто знает.... Да только отнятой жизни не вернёшь, поломанной судьбы, впрочем, тоже не исправишь.

Больше всего я любила работать в одну смену с Опушкиным. Славный малый, являвшийся отцом одной из моих бывших одноклассниц, выбивался среди прочих милиционеров. Контраст был чрезвычайно силён. Опушкин не пил. От

слова — «совсем». Он много читал и хохмил, во всякой ситуации имел собственное мнение, был по-настоящему добрым и справедливым человеком. А ещё много лет занимался по системе «Детка», некогда разработанной Порфирием Ивановым. На то, как дежурняк, стоя в зимней ночи в одних трусах под окнами родной дежурки, обливается ледяной водой, приходили поглазеть все кому не лень. Поначалу народ был в шоке, но очень скоро привык к такой причуде и уже не обращал на это никакого внимания.

Так, наверное, и текла бы моя жизнь, если бы не наступил март девяносто пятого, внесший в мою жизнь огромное количество судьбоносных перемен ...

Глава 21

День моей глупости, или за что я ненавижу 8 Марта

История про «А эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала, и крылья эту свадьбу вдаль несли...» увы, к моей свадьбе не имела решительно никакого отношения. Моя свадьба ни пела, ни плясала, и никуда её крылья не несли, пожалуй, она больше походила на похороны, этакая лайт-версия оных. «Свадьба» случилась внезапно, словно землетрясение. Произошедшее походило на дурной сон. Находясь под действием какого-то тяжкого морока (не иначе!), я смотрела на стремительно разворачивающиеся события, словно зритель кинозала. Мне до последнего казалось, что всё происходящее вокруг – это кино, не имеющее ко мне решительно никакого отношения.

Вечером шестого марта словно снег на голову из Чмошска «упал» Кока, объявив о том, что он явился, чтобы жениться на мне. Достав из кармана форменных брюк крошечную красную коробочку, он незатейливо резюмировал:

– Завтра у нас свадьба. Если ты не выйдешь за меня замуж, меня выгонят из школы милиции. Я накатал рапорт, что еду жениться, мне его подписали. Теперь я должен привезти свидетельство о браке. В ЗАГСе я обо всём договорюсь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.